

Ж.Ж. Варбот

**НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
И СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ**

Генетическая связь этимологии и сравнительно-исторического метода, не только сохраняющаяся уже третье столетие, но и постоянно воспроизводящаяся, базируется на признании действия в истории языков определенных регулярных изменений, формулируемых как законы. Первым требованием, которое предъявляется к этимологическому решению, О. Семереньи назвал соответствие последнего фонетическим законам¹. Однако существование отклонений от реализации этих законов, как вследствие их взаимодействия, так и действия, параллельно с ними, аналогии на разных языковых уровнях, а также нерегулярных, спорадических изменений и преобразований признавалось основоположниками и классиками сравнительно-исторического метода и не являлось основанием для сомнений в принципах этого метода и возможностях его применения при открытии новых характеристик древнего языкового состояния².

Сами же эти отклонения, нерегулярные изменения, преобразования побуждали исследователей сосредоточить внимание на уточнении условий реализации соответствующих законов, определении круга спорадических, нерегулярных изменений³, “снятии” действия аналогических преобразований в реконструкциях⁴, учете взаимодействия различных типов нерегулярных изменений, преобразований в условиях существования конкретного слова как объекта этого взаимодействия – центра морфосемантического поля⁵. При этом ведущая роль в освещении всех этих проблем всегда принадлежала этимологии как открывателю, собирателю “темных”, генетически спорных фактов и как первому толкователю их происхождения с неизбежной разработкой гипотез о сфере действия известных нерегулярных изменений и обнаружении не изученных ранее изменений. Представляется, что такое направление этимологических исследований необходимо для укрепления позиций сравнительно-исторического метода.

Целью настоящей работы является напоминание о некоторых таких изменениях/преобразованиях в славянских языках, особен-

но в русском, о возможности их взаимодействия и толкование некоторых славянских лексем с учетом допущения предположения о действии подобных факторов.

I

Морфологическое переразложение (рус. *тузить*, *талька*)

Одним из самых распространенных типов преобразований является морфологическое переразложение с сопутствующими явлениями. Таковыми могут быть, например, предшествующие и последующие регулярные и нерегулярные фонетические изменения, последующие семантические и народноэтимологические изменения.

Рус. диал. *муту́зить* ‘схватить, трясти, трепать кого’ (тул.), ‘мучить, изводить; перегружать работой’ (пенз., тюмен.), ‘болеть’ (краснояр.), *муту́зиться* ‘суетиться’ (новг., псков.) (СРНГ 19, 33–34) вполне обоснованно толкуется как связанное с *мотоу́з* (Фасмер III, 18) (> *мутуз*). Для последнего первичным, соответственно праформе **moto(v)qzъ*, является обозначение приспособления для размотки пряжи – мотовила, особенности использования которого и объясняют семантику производного глагола. Один из аспектов этой семантики – ‘трясти, трепать’ – в сочетании с возможностью префиксального *му-* в русском языке и паронимия с *туз* определили развитие значения *муту́зить* ‘тасовать карты’ (терск., кубан., СРНГ 19, 33). Следующим этапом преобразования стало устранение *му-* с выделением глагола *тузи́ть* (ср. выше относительно ударения *муту́зиться*) ‘бить’. Развитие этого значения на базе представлений о мотании пряжи подтверждается фразеологизмом *мо́ты гоня́ть* ‘ударять палкой о палку при игре в чижик’ (новг., СРНГ 18, 295).

Аналогичный процесс можно предполагать в истории рус. диал. *та́лька* ‘ручное мотовило в виде рогульки для наматывания пряжи’ (Перм. словарь 2, 433), то же и ‘шестик, с одного конца рассохой, с другого костылем; иногда станочек, в виде столярной пилы; моток ниток, известной меры, снятый с тальки’ (Даль² IV, 389). Фасмер предложил для этого слова два толкования, предполагающие связь с германским названием корабельного ворота (разными путями: прямое заимствование или производность от заимствования, см. Фасмер IV, 16), которые представляются

маловероятными, учитывая различие сфер применения ворота (кораблевождение!) и мотовила (домашний, при этом женский труд!). Сопоставление *тáлька* с *мотáлка* ворон., *мотáлень* смол. ‘деталь приспособления для разматывания пряжи: крестообразно скрепленные две дощечки, на которых растягиваются моты пряжи’, *мотáлка* яросл., калуж., брян., урал. ‘приспособление для ручной намотки пряжи при домашнем ткачестве, мотовило’, киров. ‘приспособление для размотки пряжи’ (СРНГ 18, 295) определяет правомерность гипотезы об образовании *талька* в результате отделения *мо-* как потенциального префикса.

II

Нерегулярное фонетическое изменение и морфологическое переразложение как причина образования новой лексемы (праслав. **draziti*, укр. *дратувати*)

В истории славянских языков, начиная с праславянского периода, постоянно воспроизводилось как частое, но не ставшее фонетическим законом преобразование групп согласных *sr* и *zr* путем эпентезы зубных звуков, откуда *str* и *zdr*. Несколько примеров из русских говоров: перм. *струб* ‘деревянное сооружение из нескольких венцов, скрепленных в форме четырехугольника’, *спрэзу* нареч. ‘сразу, быстро’, *спрок* ‘промежуток времени’, *спрошный* ‘человек, который нанимается на работу’, *нүздря* ‘мошонка у животного’ (Перм. словарь II, 410, 407, 409–410, 245).

Аналогичный процесс реконструируется в истории праслав. **męzdra* (< и.-е. **mēmsro-*), причем появление между *s* и *r* звука *d* (с одновременным озвончением *s > z*), вместо ожидаемого *t*, объясняется “вторичным влиянием глагола *драть*: при выделке кож эту пленку, мездру, дерут, отдирают” (Machek² 356; ЭССЯ 19, 23). Таким же сближением с **der-* ‘драть’ можно объяснить и изменение и.-е. **nos-srī* > **nosri* > праслав. **nozdrī*. О.Н. Трубачев предполагал здесь процесс озвончения, аналогичный и.-е. **-sn-* > праслав. *-zn-*⁶. Поскольку, однако, морфонологическая роль ожидаемого *-t-* в **nosrī* > ***nostrī* и *s* в *-sn-* различна (в последнем случае *s* – элемент суффикса), а семантическая аттракция к *der-* весьма навязчива (‘ноздри’ = ‘отверстия!’), более вероятным представляется и в случае **nozdrī*, как и в **męzdra*, наслоение на нерегулярное фонетическое изменение (вставное *t*)

народноэтимологического преобразования в направлении сближения с **der-/*dbr-*.

При том, что вставное *t/d* никогда не было обязательным, его частотность могла, кажется, иногда обусловить подстановку *d* вместо этимологического согласного в позиции между *z* и *r*. Таким образом объясняется рус. диал. перм. *раздроздѣть* ‘покрыться молодой зеленью; распуститься, распушиться (о растениях, почках)’ (Перм. словарь II, 263), ‘разрастись, давая ростки стать ветвистее’ (том., СРНГ 33, 332), для которого наиболее вероятно образование от *гроздь*, то есть **разгроздить*-ся. Аналогично может быть истолковано и диал. *раздромѣть* курск., орл. ‘разбить что-либо вдребезги, на мелкие части’, арханг. ‘разорить, *разгромить*’ (СРНГ 33, 332) < *разгромить*.

Некоторые случаи эпентезы *d* на границе префикса праслав. **orz-* и глагольных корней с начальным *r-* могут быть отнесены к праславянскому уровню (как диалектные явления): см. ст.-слав. *раздрѣшѣти* (Ст.-слав. словарь 570) и ст.-русск. *раздрѣшати* ‘нарушать’ (Кн. Степ., 116 ~1560 г., СлРЯ XI–XVII вв. 21, 195); ст.-слав. *раздрѣшѣти* (Ст.-слав. словарь 570), помор. *rozdrěšác* ‘привести в движение’ (Lorentz. Pomor. II, 1, 124) и рус. диал. дон. *раздрѣшѣть* ‘разрешить, позволить сделать что-л.’ (СРНГ 33, 332); цслав. *раздрадѣти* ‘устроить’ (SJS 33, 572) и словин. *rozdrāžác* ‘распределить, организовать; приказать’ (Lorentz. Pomor. II, 1, 178) < праслав. **orzrēditi*; рус. диал. новг. *раздрѣть* ‘разрыть, раскопать’ (СРНГ 33, 333) и словин. *rozdrāvác* ‘разделять, разрывать’ (Lorentz. Sl. Wb. II, 926), помор. *rozdārvac* (и *rozārvc*) ‘разорвать, разодрать’ (Lorentz. Pomor. II, 1, 172) (в последнем случае появление *d* возможно только на уровне **orzrēvati*).

Подобные структуры при актуальности префикса **orz-* могли стать полем действия морфологического переразложения – отнесения *d* к корню глагола и последующего выделения такого корня. Кажется, таким образом можно подойти к решению проблемы происхождения праслав. **draziti* / **dražiti* ‘раздражать, беспокоить, растревлять (раны), дразнить’: болг. диал. *дрáжем* ‘дразнить, задевать’, с.-хорв. *дрáжити* ‘раздражать, возбуждать’, словен. *drážiti* ‘раздражать, дразнить’, ст.-чеш. *drážiti* то же и ‘возбуждать’, чеш. диал. морав. *drážit* то же, русск. диал. пск., перм. *дрáжѣть* ‘дразнить’ (ЭССЯ 5, 104–105), ц.-слав. *раздразенѣ* ‘разгневанный, возбужденный’ (Miklosich LP), с производными **drazнь* / *dražнь*: ст.-чеш. *drážn* ‘раздражение’, с.-хорв. *drážnja* ‘раздражение, издевательство’, болг. *дразня* то

же (SP 4, 212–213). Этот глагол не имеет надежной этимологии: исследователи единодушны лишь в возведении его, в конечном счете, к и.-е. **drā-* (от корня **der-* ‘драть’), при отсутствии точных неславянских соответствий, неясности диахронических отношений вариантов на *-ziti* и *-žiti* и структуры **drāzнь* / **dražнь* (см. ЭССЯ 5, 105; SP 4, 214). Весьма перспективным в отношении решения проблем **drāziti* / **dražiti* представляется праслав. **orzdrāziti* – производное от **raziti*, в котором между *z* префикса и *r* корня также факультативно представлено по славянским языкам *d*: ст.-слав. **РАЗДРАЗИТИ** *καταρρηγῦναι* ‘разбить, поразить’ (Супр. 381, 11–12, Ст.-слав. словарь 569) при **РАЗДРАЗИТИ** *gumpi* (Men.-leop. 310, Mikl. LP), ст.-польск. *rozrazić, rozdrāzić się* ‘разбиться, разделиться’ (Sł. stpol. VIII, 5; Warsz. V, 686), польск. *rozdrāzić* ‘разбить, поранить, раскидать’ (Варш. V, 686) при диал. *rozrazić* ‘разбить, поранить, повредить’ (Там же), др.-русс.-ц.-слав. и ст.-рус.-ц.-слав. *раздразити* ‘ударом разбить на части’ (Мин. сент., О53, 1095 г. и др.), ‘ударом обо что-л. причинить телесные повреждения; сильно ушибить, расшибить’ (Сл. мт. Дан., 94, XVI в. и др.), *раздразитися* ‘разбиться’ (ВМЧ, сент. 1–13. XVI в.) (СлРЯ XI–XVII вв., 21, 181–190) при *разразити* (*роз-*) ‘ударом разбить, раздробить что-л.’ (Сказ. о Конст.¹, 129. XVI в. ~ XIV в. и др.), бел. ‘о телесных повреждениях, случившихся при падении’ (1572 г., Новг. лет., 120), ‘ударив обо что-л., убить или нанести телесные повреждения’ (Хрон. Г. Амарт., 265. XIII–XIV вв. ~ XI в. и др.) (СлРЯ XI–XVII вв. 21, 239). При этом регулярные продолжения праслав. **orzraziti*, не имеющие вставного *d*, в русских и белорусских говорах и в украинском языке обнаруживают семантику раздражения, растравления раны: ср. рус. *разразить* арханг. ‘поранить, разрезать (руку, палец и т.п.); растревожить растравить (рану)’, свердл., забайк. ‘вывести из себя, раздражить кого-л.’ (СРНГ 34, 60; Элиасов 349), карел. ‘привести в раздраженное состояние, расстроить’ (Словарь Карелии 5, 432), укр. *розразити* ‘раздражить, растравить’ (Гринченко IV, 54; Словн. укр. мови VIII, 787), блр. диал. гродн. *разразіць* ‘растревожить’ (Сцяшковиц. Слоўн. 404), *разразіць* ‘растравить’ (Тураўскі слоўнік 4, 307), *розразыты* ‘растравить (о ране)’⁷ (примечательна фиксация в этом источнике также синонимичного варианта с другим вставным согласным – *z*: *розгразыты*). Сочетание фиксаций изменения **orzraziti* > **orzdrāziti* и семантики раздражения у рефлексов **orzraziti* могут быть основанием для гипотезы о появлении праслав. **drāziti* ‘раздражать, растравлять

(раны), расстраивать' в результате переразложения и опрошения структуры **orzdrziti* (< **orzraziti*). Вариантная основа **-dražiti* объясняется в таком случае обобщением для основы инфинитива фонетического изменения *zj > ž* в основе настоящего времени **dražq*, соответствующей первично инфинитиву **draziti*. Существительное **drazнь* является производным с суффиксом *-нь* от **draziti*, (ср. **kazati* – **kazнь*), соответственно глагол **drazniti* – производное от **drazнь*.

Следует отметить, что предлагаемое толкование, в сущности, развивает прежние сомнения исследователей относительно природы ст.-слав. **раздразити** (см. выше): этот глагол в (SP 4, 214) включен в продолжения **draziti*, тогда как в (Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch 113, 293) он возводился к **orz-raziti*. Укр. *роз-разіти* 'раздражить, растравить' в (SP 4, 214) отнесено к **draziti*, хотя не дается никакого объяснения структурной особенности – отсутствию *d*. Таким образом, так или иначе авторы сталкивались с проблемой близости **draziti* / **dražiti* к гнезду **raziti*. И гипотеза о вторичности этой близости представляется менее вероятной, чем предложенное здесь объяснение происхождения **draziti* из **orzraziti > *orzdrziti*.

Кажется, аналогичное толкование приемлемо для объяснения генезиса укр. *дратувати* 'раздражать, дразнить, выводить из себя, возбуждать', ср. также русск. диал. орл. *раздратовать* 'привести в активное состояние, заставить двигаться, выполнять какие-либо действия' (Орловский словарь 12, 41), курск., дон. *дратовать, дротовать* 'сердить, выводить из себя кого-л.' (СРНГ 8, 201). Исходной представляется структура префиксального производного от *ратовати* – **розратовати* (ср. др.-русс.-ц.-слав. **разратити** 'поссорить, вызвать войну, мятеж' – Флавий Полон. Иерус. I, 30. XV в. ~ XI в.; *розратитися* 'разорвать мир, начать войну, мятеж' – Новг. харат. Лет. 229, 1337 г., Новг. I лет. 347. XV в., СлРЯ XI–XVII вв. 21, 240) > укр. *раздратувати* 'раздражить, привести в возбуждение, вызвать недовольство, злость', откуда вследствие переразложения *дратувати*. Предложенное в (ЕСУМ 2, 123) сравнение украинского и русского глагола с болг. *дретам* 'подстрекать' не решает вопроса при различии вокализма и существующем толковании болгарского глагола как производного от албанского *dredhti* 'хитрость' (БЕР I, 426).

III

Смещение образований разных
этимологических гнезд
(рус. -*стревать*)

Рус. *застрять* имеет в качестве видовой пары *застревать*. Аналогичные отношения связывают в просторечии *встрять* и *встревать*, ср. и диал. курск., тул., пенз., донск. *встревать* ‘вступаться за кого-н.. вмешиваться во что-либо’ (СРНГ 5, 215). Глагол *застревать* известен в письменной фиксации с XVIII века: *застрѣваюции* ‘задерживающийся при движении (в узком, тесном месте), зацепляющийся за что-л.’ (СРЯ XVIII в. 8, 102, с контекстом об опадающих листьях). При исходной для -*стрять* праславянской форме основы **stręgti* (Brückner 522: польск. -*strzyc, ustrzagli*)⁸ структура несовершенного вида -*стревать* не оправданна фонетически: следовало бы ожидать ***-стрягать* или (при позднем образовании) ***-стрявать*. Можно подозревать в -*стревать* гиперграмматическую трансформацию на письме (с учетом якающего произношения) закономерного -*стрявать*. Однако более вероятным представляется взаимодействие фонетических и семантических факторов. Произношение [’е], равно возможное и в северно-, в средневеликорусских говорах, могло тем легче закрепиться на письме, что в русских говорах сохранилась омонимичная глагольная основа, принадлежащая к другому этимологическому гнезду, – **rět-/*ręť-* ‘находить, достигать, встречать’. В этом гнезде при глаголе совершенного вида *стрєнути* зафиксирована форма несовершенного вида перм. *стрєвать* ‘встречать’ (Перм. словарь 2, 408), ср. также курск., тамб., ворон., орл., брян., пенз., рост. (и др.) *встрєвать* ‘встречать’ (СРНГ 5, 215). Форма -*стревать* является здесь следствием образования итератива с суф. -*ва* от основы, пережившей последовательно закономерное упрощение группы согласных и эпентезу нерегулярного -*м-*: **sъrětnqti* > **sъrěnqti* > *стрѣнути* > *стрѣвать*. Сближение в произношении *стрявать* и *стревать* сопровождалось, возможно, некоторым семантическим сближением глаголов двух гнезд: ср. арханг. *встрять в голову* ‘появиться в мыслях, укорениться в сознании’ – *встретаться* ‘сталкиваться, иметь дело’ и *встревать* ‘намереваться, собираться делать что-н.’ (Арханг. словарь 6–7, 61, 59, 58). Это двойное сближение и обусловило укрепление *стревать* как видовой пары к *стрять*.

IV

Резтимологизация (народная этимология)
в истории слов
(слав. *kleveta*; рус. *вожжа*)

Слав. *kleveta*

Этимологию справедливо упрекают в отсутствии собственных законов – этимологических универсалий: действительно, этимологические исследования, анализируя слово во всех его составляющих, опираются на закономерности различных языковых уровней (фонетические, морфологические и т.д.). Собственно этимологической универсалией Малкиел считал возможным назвать лишь повторяющуюся степень генетической прозрачности: например, бóльшую у глаголов, чем у прилагательных (наблюдение Мейе)⁹. Подобной универсалией представляется и известная этимологам бóльшая близость к первичной форме слова того из его вариантов, который наименее прозрачен. Последнее объясняется тем, что при фонетических и прочих закономерных изменениях первичная форма слова затемняется и язык склонен восстанавливать “прозрачность” методами народноэтимологических преобразований.

Именно с этих позиций ниже предлагается рассмотреть проблему происхождения слав. *kleveta*.

В настоящее время наиболее авторитетны две версии решения этой проблемы. Одна, причем самая ранняя по разработке и наиболее устойчивая, – версия образования *kleveta* от слав. **kľvati* (см. в последнее время ESJS 5, 314), хотя А. Вайан и отмечал нетипичность структуры корня *klev-* как для глагола **kľvati* (в отношении вокализма), так и для глаголов на *-etati* (в отношении завершающего корень *v*)¹⁰. Вторая гипотеза, предполагающая родство с лат. *calumnia* ‘клевета’ и общее происхождение обоих слов от и.-е. **k'elu-/*k'leu-* ‘звучать, слышать’, предложена В.Н. Топоровым¹¹; в этой версии есть фонетическая трудность – нерегулярное слав. *k*.

Значительный шаг в разработке проблемы происхождения слав. *kleveta* сделал О.Н. Трубачев. Обобщив опыт анализа продолжений этого слова в южнославянских языках, проведенного Скоком и Плетершником, и рассмотрев круг соответствий в восточнославянских языках, О.Н. Трубачев пришел к выводу об обоснованности мнения Преображенского и Львова о церковно-

славянской природе всех этих соответствий и, как следствие, о моравском происхождении слова (ЭССЯ 10, 14–17).

Соответственно моравскому генезису предлагалось далее исходить уже из потенций чешского языка, так что Трубачевым были отвергнуты и версия родства с лат. *calumnia*, и – по семантическим соображениям – происхождение от **klъvati* и в качестве производящей основы для *kleveta* был избран глагол чеш. *kleviti se* ‘гнутья, сгибаться, съеживаться’. Это сопоставление было обосновано семантикой некоторых соответствий, отклоняющихся от значения ‘клевета’: серб. диал. *клевет* ‘колокольчик на шее скотины’ (РСА IX, 565), чеш. диал. *klevety* ‘веночки из тряпочек и стружки, яичные скорлупки, которыми на Мораве украшают чучело Смертолки’ (Bartoš. Slov. 145). Мотивацию этих слов О.Н. Трубачев реконструировал как ‘зацепляемое’ и из идеи крючка, зацепки объяснил значение ‘клевета’ (ЭССЯ 10, 16). Однако в словообразовательных парах имя с суф. *-etati/-ota* – глагол на *-etati/-otati* исторически первичным, как правило, признается глагол, поскольку именно в экспрессивном глаголе обычно формируется межслоговая гармония¹². Следовательно, в паре *kleveta* – *klevetati* приведенные выше диалектные имена вторичны; к тому же семантика серб. *клевет* ‘колокольчик на шее скотины’ хорошо толкуется из значения глагола ‘клеветать’ – как ‘доносчик, сообщающий хозяину о местонахождении животного’. Поэтому гипотеза об образовании *kleveta* от чеш. *kleviti se* ‘гнутьяся’ представляется весьма уязвимой. Возвращаясь к версии о производности *kleveta* от **klъvati*, следует признать, что как раз в семантическом плане здесь все очень убедительно: ср. словац. диал. *okluvač* ‘оговорить, оклеветать’¹³, чеш. диал. *klvat jazykem* и *sekat, bodat* ‘клеветать’¹⁴, *drbat* ‘задевать, драть, клеветать’¹⁵, рус. диал. *насекать* ‘рубить, клеветать’ (Словарь Карелии 3, 372). Но именно прозрачность семантических отношений **klъvati* – **klevetati* делает первичность их родства сомнительной, особенно при учете другого, “темного” варианта рассматриваемой лексемы.

Этот “темный” вариант отличается от *kleveta* шумным согласным в середине слова: чеш. диал. *klebetit* ‘клеветать’, *klevety* ‘клевета’¹⁶, *klebeta* ‘клевета’¹⁷, словац. *klebetit* ‘клеветать’ (SSJ I, 699; Kálal 240), *klebeta* ‘клевета’ (SSJ I, 699). Есть такой вариант и для других значений (см. выше о предметной семантике чеш. *klevety*): *klebeta* ‘цепочка из разноцветной бумаги’, *klevety* ‘пустая яичная скорлупа’¹⁸. При истолковании происхождения этого варианта можно, кажется, опереться на серб. диал. *клебетати се* ‘ухмы-

ляться (показывая зубы), смеяться'¹⁹. С этим глаголом семантически, структурно и генетически увязывается чеш. *šklebiti se* 'зять, раскрываться; скалить зубы, насмеяться', восходящий к и.-е. **skleb-* (вариант основы I **skelb-*) 'резать, драть' (Pokorný I, 923, 926)²⁰. Вариант той же индоевропейской основы без *s-mobile* представлен в чеш. *klubati* 'рваться, выходить наружу, вылупляться из яиц' (PSJČ II, 154) и русск. просторечн. *наколбать* 'накрошить'²¹.

Развитие всей группы может быть реконструировано следующим образом. Индоевропейская основа II *(*s*)*kleb-* 'резать, колоть, раскалывать' дала праслав. *(*s*)*klebiti* 'раскалываться, расщериваться, зять', которое развило вторичное значение в сфере выражения эмоций человека – 'щериться, скалиться, ухмыляясь, выражая неприязнь или смеясь': см. чеш. *šklebiti se* 'раскрываться, зять (о ране, пропасти)' и *šklebiti (se)* 'гримасничать, скалиться, смеясь или издеваясь' (PSJČ V, 1076), словац. *šklebit' sa* 'гримасничать, щериться, скалиться' ("...mrzko usta šklebiti", SSJ IV, 416) и особенно чеш. *šklebiti se s kým* 'ссориться, враждовать', *šklebiti se proti komu*: "Nechtěj zoufat, když se proti tobě šklebí závist' trkává" (Kollar, цит. по Kott III, 884), букв. 'не вздумай отчаиваться, когда против тебя ощеривается бодливая зависть'. От варианта **klebiti* (без *s-mobile*) с этой синкретической семантикой был образован экспрессивный глагол с суф. *-et-* **klebetati/-titi*, сохранивший обе семантические доминанты производящей основы и развивший на базе значения 'скалиться, издеваясь' новое значение – 'клеветать'. Все эти значения представлены в славянских языках осколочно, но два – 'раскалываться' и 'скалиться, улыбаясь и смеясь' – должны были присутствовать изначально везде, где сохранился глагол. Семантика разрыва, раскола перешла от глагола к отглагольному имени – чеш. диал. *klebety* 'пустая яичная скорлупа', *klebeta* 'цепочка из разноцветной бумаги'; семантика 'скалиться, улыбаясь и смеясь' дала серб. диал. *клебетати се* 'ухмыляться (показывая зубы), смеяться' (см. выше). Значение же 'клеветать' появилось лишь на моравской почве, откуда чеш. и словац. *клебетити* 'клеветать', отглагольные чеш. диал. *клебеты*, *клебета* и словац. *клебета* 'клевета'.

Фонетическое и семантическое отдаление от *šklebiti* сделало чеш. *клебетити*, *клебета* немотивированными и определили тенденцию к народноэтимологическому преобразованию в сторону сближения со ст.-чеш. *klvati*, отсюда *клеветити*, *клевета*.

Представляется весьма существенным акцентирование в семантике ст.-чеш. *клеветати*, *клевета* составляющей речи, ср. ст.-

чеш. *klevetati* ‘болтать’: Garrire *klevetati* aut *ftiebetati* (Slovník Klementinský=Onomasticon, 1455 г., 50a), *klevetný* ‘болтливый’: Garulus *klewetny* aut *blekotný* (Там же), *klevetati* ‘роптать’: A mudr muzz y kazany nebude *kleuetati* ‘et vir prudens et disciplinatur non murmurabit’ (Bible Olomoucká, Sir 1417 г., 10, 28), *klevetánie*: raději slyšel (sem) kratochvilné zpievanie, *klewetanye*, rozlične vzpravovanie (Ráj duše, M 100a ad A 93b)²². Речевая семантика, как и семантика клеветы, объяснима из предполагаемой в данной работе первичной семантики смеха, насмешки, но трудно согласуется с версией производности от **kľvati*.

Рус. *вожжа*

Народноэтимологическое преобразование слова в направлении сближения его с гетерогенным паронимом, предложенное выше для объяснения слав. *klevetati*, может, кажется, быть причиной преобразования на восточнославянской почве праслав. **vodja* ‘вожжа’ в рус. *вожжа*. О генетической первичности **vodja* свидетельствуют польск. *wodze* ‘узды’, словен. *vōjka* ‘повод’ и др.-рус. *вожѣ*. Гипотеза А.А. Зализняка о развитии *вожжа* из суффиксальной формы *вожъкы* (ср. укр. *віжки* ‘вожжи’, смол. *вóжки* то же) > (с прогрессивной ассимиляцией) *вожгы* > *вóжжи* предполагает ориентацию на новгородское *жг* < **zgj, zdj*, коррелирующееся с [ж’дж’], [ж’ж’] и [ж’д’] других говоров²³, что вряд ли реально при узко-диалектной (новгородской) прогрессивной ассимиляции и сомнительности активного соотнесения диалектно различных форм носителями языка. Автор гипотезы, впрочем, отмечает близость существительного к глаголу *вожжаться*, но “есть ли у него этимологическая связь со словом *вóжжи*, неясно”²⁴.

П.Я. Черных счел *вожжаться* ‘водиться, связываться с кем-либо’ родственным с *вожжа*, предположив в последнем появлении неэтимологического *жж*<*жж* под влиянием других слов, в том числе *возить* (Черных I, 161).

Прежде всего, следует, кажется, рассмотреть глагол *вожжать(ся)*, точнее – глаголы *вожжать* и *вожжаться*. Первый, *вожжать*, имеет значения олон., перм. ‘пристегивать, привязывать вожжи к уздечке при запряжке лошади; запрягать (лошадь)’, прибалт. (Литва) ‘дергать, бить вожжами’ (СРНГ 5, 12), соответственно *отвожжать* курск., прибалт. (Литва, Латвия) ‘отстегивать вожжи; освобождать от вожжей (лошадь)’, курск. ‘отстегать вожжами, веревкой и т. п.’ (СРНГ 24, 144), *развозжать* тамб.,

оренб., курган., прибалт. (Латвия, Литва), курск., костр., сиб. ‘освободить от вожжей, распрягая (лошадь)’, забайк. ‘дать волю кому-л.; ослабив требовательность, распустить кого-л.’ (СРНГ 33, 294), *развозжѣть* ‘дать волю кому-л...’ (Там же), с развитием этой семантики освобождения далее в возвратных глаголах (Там же). Совершенно очевидно, что это отыменные глаголы, производные от *вожжа*.

Что касается глагола *вожжаться* (без *-ся* он употребляется редко) с различными фонетическими вариантами (*жжг, жжк*), то его семантика тождественна глаголу *возиться* ‘шумно, беспокожно, суетливо двигаться; заниматься кропотливым делом’: ср. толкование значения литер. *вожжѣться* “то же, что *возиться*” (Ожегов–Шведова 89) и диал. *вѣжжѣться, вожжѣться* перм., арханг., псков., смол., свердл., сиб. ‘заниматься каким-либо делом, доставляющим много хлопот, труда; излишне медленно делать что-либо’, перм. ‘копошиться, барахтаться; вести себя беспокожно, ворочаться, егозить’, сиб. ‘возиться или забавляться с детьми; водиться, знаться с кем-либо, вожжаться’ (СРНГ 5, 10–11), *вѣжжѣться* вят., перм. ‘заниматься каким-либо делом, доставляющим много хлопот...’, вят. ‘барахтаться, бороться’ (Там же, 14). Особенно существен вариант свердл. *вѣжжѣться* – то же, что *вожжѣться* (Там же, 17), поскольку в этом случае связь с *возиться* обнаруживается не только в семантике, но и в форме корня *воз-*. Генетическая связь основы *вожжж-* с гнездом *возить* свидетельствуется также соотношением яросл. *завожжѣнный* ‘грязный’ и *завѣжня* ‘неряшливый человек’ (Яросл. словарь [дикариться – иштук], 61).

При высокой вероятности родства *возжѣться* с *возиться* элемент *г* может быть истолкован как экспрессивная эпентеза, известная в славянской лексике (Sławski. Zarys 50), ср. из русских диалектов перм. *урѣжжѣть* ‘разбить’ (Перм. словарь 2, 478) при *урѣжина* ‘удар’ (Там же), следовательно – от *разить*. Изменение *возг-* > *вожжж-* возможно как следствие аналогических процессов в спряжении соотносительных пар *возиться/вожжжусь* – *возжѣться/возжѣюсь*.

Если *вожжѣться* восходит к гнезду *везти/возить*, то *вожжж* (**vodja*) не связано с этим глаголом этимологически, первично. Но семантика гнезд глаголов *везти/возить* и *вести/водить* (откуда **vodja*) сближается в ряде употреблений. Существенно, что *везти* может обозначать не только перемещение с помощью лошади, но и собственно управление лошадью: ср. псков. *привезти* ‘приводить’ (Что лошадь привѣз? ‘привел лошадь?’ – СРНГ 31, 145), печор. *возкѣм* ‘под уздцы’ (...лошадь *ведет* *воском* – Сл. Низ.

Печоры I, 82), новг. *повозáтый* ‘тот, кто водит лошадь’ (Новг. словарь 8, 9). Примечательно, наконец, употребление сочетания *возжáть горку* ‘кататься на санях с горы во время масленицы (о новобрачных)’ (Арханг. словарь 5,22): оно свидетельствует о наличии в *возжаты/возжжаты(ся)* семантики перемещения, исконной для *возить* и близкой к *водить* (при этом в данном случае – *возжжаты горку* – трудно видеть производное от *возжжи*). В условиях таких сближений семантики гнезд *возить* и *водить* и широкого употребления производного от *возить* весьма выразительного глагола *возжжаться*, достаточно вероятно влияние структуры последнего на структуру *вожа* ‘вожжа’ в направлении усиления и ее выразительности. Ср. аналогичное объяснение П. Я. Черныхом диал. *вóзженный* конь ‘выезженный, упряжной конь’ (Даль² I, 224: *вожжа*; СРНГ 5, 13) влиянием слова *езжены* (Черных I, 161), предполагающее взаимодействие производных от глаголов *возить* и *ездить*.

V

Дополнения к проблеме факультативной дифтонгизации
этимологического у в русских говорах

Выше уже было отмечено, что крупнейшие теоретики и практики этимологии многократно обосновывали право и даже обязанность этимологов фиксировать и учитывать в процессе этимологизации, достаточно аргументированной в прочих аспектах, ранее неизвестные изменения звуков, предполагаемые вначале для узкого лексического круга (или даже отдельных лексем), но, возможно, отражающие еще не изученные фонетические закономерности.

Таким случаем является возможность этимологического сближения ряда русских диалектных лексем, в структуре которых представлена вариантность этимологического у с сочетаниями гласных, которую условно назовем “дифтонгизацией” (речь не идет, разумеется, о ситуациях утраты интервокальных согласных, типа *оголовушить* > *оголоушить*).

Диалектологическая экспедиция под руководством Л.Л.Касаткина обнаружила в 1992 г. в говоре села Леки Рязанской области несколько случаев появления на месте этимологического у сочетания *оу*: например, *роушил’и, слоушйт*.

Знакомство с региональными словарями (в процессе сбора материалов для этимологического исследования русской и сла-

вянской лексики) привело к выявлению фиксации словарями довольно значительного количества лексем, в которых представлена вариантность у с сочетаниями гласных. Описание и анализ этих материалов представлено в моей работе “Факультативная дифтонгизация этимологического у в русских говорах” (ж. “Русский язык в научном освещении” № 1 (15), 2008, с. 98—105), где предложена гипотеза об экспрессивной природе этого явления. В настоящее время представляется возможным привести некоторые дополнительные материалы и новые этимологические решения, обоснованные допущением данного изменения.

Волог. *натоу́рить* ‘научить, склонить, настроить, настаивать’²⁵ – ср. волог. *натури́ть* то же²⁶.

Яросл. *заглоу́мистый* ‘изобретательный; трудный, мудреный’ (Яросл. словарь [дикариться – иштык], 65) – ср. *заглу́ма* ‘выдумщик’ (Там же).

Перм. *носоу́лина* ‘залив реки’²⁷ – ср. *носу́ля* ‘луг на полуострове, на мысу, который огибает река’²⁸.

Явлением дифтонгизации можно объяснить вокализм яросл. *ездоу́литься* ‘ездить взад и вперед’ (Яросл. словарь [дикариться – иштык], 34): однокоренные семантически близкие симб. *ездун* ‘любитель ездить’, *ездунья* ‘любительница ездить’, перм., свердл. *езду́шка* ‘езда мелкой рысью’ (СРНГ 8, 331) с вокалическим элементом суффиксов у свидетельствуют о возможности первичной формы рассматриваемого глагола **езду́литься*.

Аналогичным образом толкуется происхождение яросл. *задеу́лить* ‘много взять’ (Яросл. словарь [дикариться – иштык], 69): ср. вят., волог. *ду́лить* ‘пить, пить много’ (СРНГ 8, 254) при семантике производящего глагола *ду́ть* яросл. ‘кормить в избытке’ (Яросл. сл. [дикариться – иштык] 27), ср. также *ду́ться* тул., орл., курск., брян. ‘пухнуть, опухать. распухать’, симб. ‘литься, течь (о жидкости)’ (СРНГ 8, 271). Налицо экспрессивность чрезмерного наполнения, которая объясняет и значение рассматриваемого глагола ‘много взять’.

Примечания

¹ Семереньи О. Славянская этимология на индоевропейском фоне // ВЯ 1967. № 4. 4.

² Ср. о таких сомнениях в работе: Степанов Ю. С. Баба-яга, Яма, Янус, Ясон и другие. К вопросу о “нестрогом” сравнительно-историческом методе // ВЯ. 1995. № 5.

³ Malkiel Y. Etymologie and Historical Grammar // Romance Philology. V. VIII. 1955, 187–189, 192; Трубочев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1970. М., 1972, 3–4.

- ⁴ Benveniste E. Renouveau lexical et dérivation en grec ancien // BSL 1964. Т. 59, f. 1, 34, 39.
- ⁵ Guiraud P. Les champs morpho-sémantiques / Critères externes et critères internes en étymologie // BSL. Т. 52. 1952.
- ⁶ Трубачев О.Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике....1972, 15.
- ⁷ Лексічны атлас беларускіх народных гаворак у пяці тамах / Пад рэд. М.В. Бірылы і Ю.Ф. Мацкевч. Т. 3. Мінск, 1995, 47.
- ⁸ Подробно о русск. *стрять* < праслав. **streḡti* см. *Варбот Ж.Ж.* К типологии взаимодействия этимологических гнезд // *Studia etymologica Brunensia* 2. Praha, 2003, 60–61.
- ⁹ Malkiel Y. Etymology and General Linguistics // *Word*. V. 18. 1962. N 1–2, 204–205.
- ¹⁰ Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Т. III. Paris, 1966, 343.
- ¹¹ Топоров В.Н. Этимологические заметки (славяно-италийские параллели) // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР. Т. 25. 1958, 74–79.
- ¹² Vaillant A. Op. cit., 342.
- ¹³ Orlovský J. Gemerský nářečový slovník. Martin, 1982, 213.
- ¹⁴ Zaorálek J. Lidová rčení. Praha, 1947, 645.
- ¹⁵ Trávníček F. Slovník jazyka českého. Praha, 1952, 287.
- ¹⁶ Kazmír S. Slovník valašského nářečí. Vsetín, 2001, 122.
- ¹⁷ Malina I. Slovník nářečí mistříckého. Praha, 1946, 43.
- ¹⁸ Kott J. Št. Dodatky k Bartošovu Dialektickému Slovníku Moravskému (= Archiv pro lexikografii a dialektologii, č. 8). Praha, 1910, 40.
- ¹⁹ Влајић-Поповић Ј. Историјска семантика глагола ударања у српском језику. Преко етимологије до модела семасиолошког речника. Београд, 2002, 301, 374.
- ²⁰ Предлагаемое Махеком генетическое разделение чеш. *šklebiti se* в значениях ‘шериться, раскрываться, зиять’ и ‘смеяться’ (см. Machek² 612) совершенно не оправданно: ср. русск. *щериться* в обоих значениях (при родстве со **skora*). Неприемлемо также и толкование серб. *клебетати* как производного от праславянского звукоподражательного корня **lep-* с вариантными начальными консонантными формантами (?) *x/k* и под., которое предлагается Влајић-Поповић. Указ. соч., 338–339. Допущение подобной широкой вариантности морфологически нефункциональных элементов лишает этимологический анализ методических оснований.
- ²¹ *Варбот Ж.Ж.* Славянские этимологии (**osetъ*; происхождение гнезда слав. **ners-* и некоторые продолжения его в славянских языках; некоторые продолжения гнезда слав. *(*s*)/*kelb-*/*(*s*)/*kolb*) // ОЛА. 1975. М., 1977, 136–139.
- ²² Приведенными материалами из старочешских памятников я обязана картотекке Старочешского словаря, с которой я могла ознакомиться благодаря любезности коллектива Старочешского словаря Института чешского языка АН ЧР, за что и приношу этому коллективу глубокую благодарность.
- ²³ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995, 69.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006, 285.
- ²⁶ Там же, 286.
- ²⁷ Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007, 236.
- ²⁸ Там же.